

# RUSS

4  
Mark

## RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

**Подписная цѣна.** Во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Германіи 100 мар., въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкой собственными разсылными ежедневно на домъ — 100 мар., при ежедневной непосредственной высылкѣ бандеролью — 120 мар. въ мѣсяцъ. Въ Германіи: Въ нѣмецкой Австрію, Мемельской обл., Данцигъ — 120 герм. мар. въ мѣсяцъ; Англію — 4 шилл., Латвію, Литву, Польшу, Венгрію, Эстонию, Югославію, Россію — 140 герм. мар., Болгарію, Финляндію, Грецію, Румынію, Чехо-Словакію, Турцію 200 герм. мар. Во всѣхъ остальныхъ странахъ — 250 герм. мар. въ мѣсяцъ. Къ заказу просить прилагать деньги, во избѣжаніе замедленія высылки.

**Объявленіе:** основная плата 15 м. за строку нонпарели (ширина строки — одна двѣнадцатая часть страницы), для врачей, присяжныхъ повѣренныхъ, ищущихъ мѣстъ 8 мар. за строку нонпареля, для розысковъ 10 мар. за строку нонпареля. Строка объявленій въ текстѣ газеты 75 герм. мар. При крупныхъ заказахъ указанная цѣна не обязательна. Заграничныя объявленія по особому тарифу. Пріемъ объявленій и подписки въ „Ullsteinhaus“, Berlin SW 68, Kochstrasse 22-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ Ullstein's. Редакція (Markgrafenstr. 73) открыта ежедневно отъ 11 часовъ дня до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ ½2 до ½3 час. дня. Телефонъ редакціи: Dönhoff 47-61.

### ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

Основанъ I. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминна и В. Д. Набоновымъ †

# Изъ литературныхъ воспоминаній.

## IX.

Слухи о Дорошевичѣ, доходившіе ко мнѣ въ оперный мой скитаніи, были очень разнорѣчны. Одинъ говорилъ, что онъ бдѣствуетъ по прежнему, перебываясь почти случайнымъ и нищенскимъ оплачиваемымъ трудомъ въ юмористическихъ журнальцахъ и эфемерныхъ газеткахъ малой прессы. Другіе, напротивъ, утверждали, будто онъ женился, остопенился, оперился, работаетъ въ какой-то новой большой газетѣ и живетъ припѣваючи, но какъ-то странно — въ полуразрушенномъ, особнякѣ на краю города, посреди стараго заштупаннаго сада.

Возвратясь въ Москву (1891 г.) послѣ двухлѣтней работы въ тифлисскомъ «Новомъ Обозрѣніи», я, порывавъ дѣломъ, началъ розыскивать старыхъ коллегъ по «Будильнику». Былъ у Чехова на Малой Дмитровкѣ лѣ домъ, какъ-то, Фрейганга или Фирганга, — какал то вѣмочная фамилія, не упомню.

Антонъ Павловичъ тогда уже былъ въ славы, какъ авторъ «Отепи» и «Скудной исторіи». Онъ только что возвратился изъ своего, столько рокового для него, путешествія на Сахалинъ. Кромѣ удовольствій поводить съ нимъ, нѣмало у меня къ нему и дѣловое порученіе отъ Н. Я. Николадзе: пригласить его къ сотрудничеству въ «Новомъ Обозрѣніи». И вотъ — ходить передо мною Антонъ Павловичъ и гудитъ:

— Нѣтъ, Александръ Валентиновичъ, это, послушайте же, у насъ не сойдется. Газету я знаю, хорошая газета, но я провинциальныя газеты боюсь. У нихъ мало средствъ, а дешево брать мнѣ пѣтъ расцѣта. Выйдетъ-такъ, что купитъ у меня ваше «Новое Обозрѣніе» расказъ, много да, — для подписной приманки. А затѣмъ пойдетъ жарить свою мѣстную обывательскую отбавину. А публика будетъ ругаться, что ее надули, и меня лаять, за-

чѣмъ я далъ имя, когда меня пѣтъ въ извѣстѣ. Выдержать же мое сотрудничество въ серьезѣ провинціальная газета не можетъ: я буду ей дорогъ. Да и на чорта ли я тамъ? Въ Закавказьѣ есть своя большая жизнь, пусть она и откакается, въ газетѣ.

— Да это вы такъ, Антонъ Павловичъ, только ядѣе я «творю волю пославшаго мя». Имѣю прямое порученіе: привлечь къ газетѣ васъ и тѣ молодыя столичные силы, которыми вы укажете.

Чеховъ ожинился.

— А, вотъ это другое дѣло. Если провинція дастъ возможность работать молодымъ столичнымъ силамъ, это будетъ очень хорошо. Потому что въ Москвѣ — тѣснота, печататься негдѣ. Въ Петербургѣ москвичамъ ходы затруднены: тамъ своихъ сколько угодно. Провинція — прекрасный исходъ для талантливыхъ людей, которые здѣсь не успѣваютъ попасть на глаза публикѣ. До сихъ поръ тамъ платил омерзительно, такъ что не стоило работать. Если будутъ сносно платить, — ну, такъ, чтобы выходилъ кругомъ хоть пятакъ за строку, — то, разумеется, это — прямо такъ, послушайте же, широчайшее поле для молодежи... А вы кого думаете пригласить?

Я назвалъ Дорошевича, — не безъ нѣкоторой опаски, потому что, въ прежнее время, мнѣ иногда казалось, будто Чеховъ не то, чтобы не долюбивалъ Власа, а такъ — что называется — «не было между нимъ флюидовъ». Но Антонъ Павловичъ одобрительно кивнулъ головою.

— Это само собою разумеется... Какъ же безъ него... А затѣмъ?

— Да, въ порвну голову, вашего же ученика — А. С. Назарова (А. Грузинскаго).

— Да, онъ очень способный дарень. Только, слушайте же, Ежовъ, для газеты, гораздо его пригоднѣе. Боле горитъ и стѣсняется.

И Чеховъ съ полчаса изыскивалъ мнѣ литературныя достоинства г. Ежова (впоследствии «Не флюидности» «Новаго Вре-

мени») съ возможностью, въ который его дарованіе способно развиться. Говорилъ о немъ во это разѣ тепло и лучше, чѣмъ двадцать лѣтъ спустя, самъ г. Ежовъ, писалъ въ «Историческомъ вѣстникѣ» о Чеховѣ.

Кромѣ Назарова и Ежова, Чеховъ изъзнавалъ мнѣ еще цѣлый рядъ именъ, большинство ихъ давно уже исчезло изъ литературы и лишь немногіе прошли. Къ сожалѣнію, просятъ нашимъ по сужденію было осуществиться. Едва ли не въ тотъ же день я получилъ отъ редактора «Новаго Обозрѣнія», М. А. Успенскаго, и отъ ближайшаго сотрудника, И. Л. Баатадзе (Хонели) письма съ печальнымъ извѣстіемъ, что Н. Я. Николадзе, тѣснимый долгами, продалъ газету братьямъ Тумановымъ, и старая редакція распалась.

Въ редакціи «Будильника», милый человекъ, Александръ Дмитріевичъ Куренинъ («Московский фланеръ»), встрѣтилъ меня распоростертыми объятіями, словно внезапно возвратившагося близкаго саниа. На распросы мои о Власѣ отвѣтилъ, что всѣ слухи справедливы: всего было побывалъ человекъ и на возу, и подѣ возомъ.

— Ну, а теперь?

— Теперь сами увидите. Зайдите къ нему. Сейчасъ застанете. Онъ живетъ близоконно — здѣсь же на Тверской...

— Вотъ?! А мнѣ говорили, — гдѣ то у чорта на куличкахъ, въ какихъ то барскихъ руинахъ?

— И это чудачество было, но прошло. Сейчасъ онъ стоитъ въ «Луврѣ».

— Въ «Луврѣ»? Ого!

Гостинница «Лувръ», впоследствии захудалая, въ время, была еще не то, чтобы изъ самыхъ шикарныхъ въ Москвѣ, но считалась самою солидною. Обставленная очень комфортабельно, на семейный ладъ, она обиталась по преимуществу наѣзжими въ Москву иностранцами и была любимымъ пристанищемъ знаменитыхъ артистовъ-гастролеровъ. Здѣсь останавливались Алжисъ Мазинъ, Сара Бернаръ, Ал-

дрей Маджи и др. Изъ московскихъ «Лувровъ», для постоянного жительства не брезговали весьма почтенные люди изъ категоріи безхозяйныхъ холостяковъ. Вродѣ хотя бы весьма знаменитаго въ тѣ годы товарища прѣдсѣдателя московскаго окружнаго суда, Евгения Романовича Ринка.

Считаю долгомъ остановиться подробно на имени и образѣ этого человека, прѣдшлаго далеко но бесцѣдно и, по большей части, весьма благотворно, въ жизни почти всей московской литературной братіи 70-хъ—80-хъ годовъ. Да и не только московской. Гдѣ то въ архивѣ лежатъ у меня пачка восторженныхъ писемъ Ринкѣ нѣмъ заботой, а въ то время очень читавшейся, петербургской романистки, Н. И. Мердеръ (Сѣверовой). Евгений Романовичъ влился въ нихъ «лучшимъ человекомъ нашего ужаснаго вѣка» и даже «новымъ Христомъ на землѣ». Ну, это было уже нашанній дамскій пересолъ въ благодарномъ энтузіазмѣ, — и, пожалуй, даже до невольной насмѣшки. Потому что Христовъ въ Ринкѣ рѣшительно ничего не было, а наоборотъ, очень много отъ Мефистофеля. Ключительно до нѣкотораго вѣшняго сходства съ демоническимъ представителемъ силы той, что, зло творя, добро лишь производитъ. Вотъ эту авто-характеристику Мефистофеля Ринкѣ, пожалуй, былъ бы въ правѣ примѣнить къ себѣ, хотя, конечно, отнюдь не въ томъ дьявольскомъ смыслѣ, какъ играетъ словами Мефистофель, но въ самомъ прямомъ и точномъ. Потому что мудро и вѣрно встрѣтитъ на свѣтѣ болѣе страшное сѣлію злѣйшаго острѣумія съ добромъ и благожелательною душою, чѣмъ являлъ этотъ изыщный барнъ, полумосквичъ, полуиранжиранинъ, одна ли не думавшій по францужески и, съ величайшею охотою, переходившій на этотъ діалектъ въ разговорѣ, щеголяя утонченно-прекраснымъ произношеніемъ и слогами. Такую великолѣпную французскую рѣчь въ устахъ не француза я слышалъ, кромѣ Ринка, только дважды: отъ бывшаго болгарскаго царя Фердинанда и

те Габриэле Д'Аннунцио. Да и то послѣдній ужъ слишкомъ близость изысканности словъ и оборотовъ, слишкомъ самъ любитъ совершенствомъ своей рѣчи, напоминалъ тѣмъ покойнаго Боборыкина, — только съ другой стороны. Кличка «московскаго судебного Мефистофеля» прилагалась Ринку и онъ очень старался поддерживать эту свою репутацию. Тѣмъ и пажитъ, «счастливое число враговъ», даже удивительно, когда вспоминаешь, сколько добра дѣлалъ этотъ человекъ и въ частной жизни и на общественномъ официальном посту. Сколькожъ неожиданныхъ онъ спасъ отъ гибели по судебной ошибкѣ, сколькожъ, легкомысленно и неосторожно свихнувшись, не погубить, по вытащилъ изъ тѣни и поставилъ на прямой, твердый путь. Я всегда зналъ, что Евгений Романовичъ очень легободатъ, но, въ первое время знакомства, всетаки, недоумѣвалъ, почему онъ, человекъ большого общественнаго положенія, иногда стѣснялся въ средствахъ, какъ будто ужъ и «не по чину».

— Да потому, — объяснилъ мнѣ А. Д. Курепинъ, большой другъ Ринка, — что добрая половина его бюджета уходитъ на субсидіи разной бѣдѣ — въ особенности изъ бывшихъ подсудимыхъ, оправданныхъ подлѣ его предсѣдательства.

А такихъ было великое множество. Ринка, таличскій протѣжеватель «суда скорого, справедливаго и милостиваго» по уставамъ 1864 г., крѣпко держалъ знаменитой сенции Еккатеринъ II, что «лучше десять виновныхъ отсутствіи, тѣмъ одного виновнаго казнитъ». Онъ гордился междоусобіемъ оправдательныхъ приговоровъ по дѣламъ, проходившимъ подлѣ его предсѣдательства, вынесенныхъ присяжными, подлѣ впечатлѣніемъ его удивительныхъ «срезомъ», которымъ равныхъ по глубинѣ, красивой простотѣ и остротѣ силъ я не стывалъ въ русскихъ судахъ. Гордился и недовольствомъ, съ какимъ смотрѣло на него министерство юстиціи именно по этой причинѣ.

Особенно знавидѣлъ Ринка Н. В. Муравьевъ, его юридическій антиподъ, — можно сказать, природный обвинитель и набогъ типическій представитель полицейской тенденціи, владѣвшій во русской судебной практикѣ въ царствованіи Александра III и Николая II. Выдвинутый пресловутымъ «процессомъ царевубійцы», по дѣлу 1 марта 1881 года, Муравьевъ, любимый правительства, сдѣлался тѣмъ то вредъ негласнаго диктатора отъ прокуратуры и очень щеголялъ эту роль. Въ судахъ, уже оброченныхъ реакціей на сломку, онъ, какъ огля, болѣлъ. Только ужъ, конечно, по Ринку, который Муравьевъ презиралъ совершеннѣйше и, по стѣняясь опасностью быть услышаннымъ, прозывать его, вмѣсто Николая Валеріановича, Иваномъ Александровичемъ, «Хлестаковымъ отъ юстиціи» и тому подобнымъ кличками. На разбирательствѣ какого то дѣла при закритыхъ дверяхъ между «антиподами» вышло громко наущенное столкновение. Забѣлъ, что, оставшійся въ залѣ съ обычнымъ своимъ фатовски-равнодушнымъ видомъ, Муравьевъ, подстрекаетъ обвинителя и сущиваетъ ему вопросы, а это нарушаютъ и пугаетъ присяжныхъ, Ринка, безъ должнхъ церемоній, продолжилъ судебному приставу удалитъ «постороннихъ». Муравьевъ растерялся и ступеался, но унесъ въ душѣ непримиримую — «муравьевскую» — злобу. Обиды этой онъ Ринку никогда не простилъ и, чрезъ свое вліяніе въ министерствѣ, дѣлалъ Евгению Романовичу всевозможнаго пакости. А, съѣвъ самъ въ министры, окончательно его донекъ.

Думаю, что это было не трудно. Хотя самъ Ринка былъ очень высокаго мѣтнѣи о строгой и неуязвимой юридической точности своего предсѣдательскаго поведенія, я легко допускаю, что тутъ онъ ильско самообольщался. Потому что плохо онъ впадалось съ его презрѣніемъ къ формалистичѣи и буквѣ, съ его смѣлымъ, до капризовъ даже, произволомъ къ расширенію смысла закона, доходившимъ и

каждый разъ почти до суда по душамъ. За, подобная вольность его, то и дѣло, взымались въ Петербургъ для объясненій, и каждый разъ онъ везъ въ карманѣ прошеніе объ отставкѣ. Онъ по разъ говорилъ мнѣ, что этого, ликвидирующій его карьеру документъ онъ написалъ немедленно, какъ только былъ назначенъ на свой московскій постъ, и съ того времени съ нимъ не разстается. Однако, до поры до времени убѣдительно краснорѣчивъ и юридическая ловкость Ринка брали верхъ надъ личными и тайными доносима безчисленныхъ враговъ. Министерство не любило Ринка и держало въ черномъ тѣлѣ, но посольнѣимъ дорожило и по торонилось съ нимъ разстаться. Можетъ быть, — увы! — лишь выжидалъ болѣе удобнаго случая, какъ бы погрозитъ этого своевольна ошелемовать.

Если безпристрастно поимать тождествомъ безастрастія, а идеаломъ предсѣдателя почитать совершенно безпристрастнаго судью, то Ринка былъ очень далека отъ идеала. Оправдательная тенденція владѣла имъ такъ прозрачно, что онъ озскарывать не трудился. Въ противность большнству прелсѣдателей, которыхъ заклятымъ, подлѣ министерскимъ разделенияхъ восьмидесятихъ и девятидесятихъ годовъ, слишкомъ часто играли въ руку обвиненію, Ринка, въ свонхъ «срезомъ», почти всегда являлся вторымъ защитникомъ подсудимаго и, благодаря своему таланту и знанію, обыкновенно, гораздо сильнѣйшимъ первого.

Что Ринка понавидѣла прокуратура, это понятно. Но, казалось бы, должна была обожать адвокатура. Однако, и въ ея средѣ Ринка былъ ужасно непопулярнѣн. Знаменитый Пловско, напр., до того не любилъ Ринка, что моя дружба съ Евгениемъ Романовичемъ повела къ значительному охлажденію нашихъ, когда то очень хорошихъ отношеній съ московскимъ «Златоустомъ». О Шубинскомъ — что ужъ и говорить!... Норасположеніе московской адвокатуры было хорошо извѣстно Ринку. Настолько, что впоследствии, когда министерство выжило таки его въ отставку, онъ не рис-

кнулъ войти въ сословіе присяжныхъ поѣбранныхъ по московскому судебному округу, а принялся къ кievскому.

Главною притянутой этой враждебности была нестерпимая злая и безцеремонно публичная язвительность «московскаго Мефистофеля». Его острый языкъ очень забавлялъ присяжныхъ и публику, но нисколько не радовалъ тѣхъ российскихъ Цинцеровъ и Домосеновъ, съ которыхъ Ринка, по терѣвншій лицензіи, очень часто снималъ маску краснорѣчиваго, дожнаго пасаеа, — всего того краснорѣчиваго «благородства», что, по выраженію Тургенева, «подлецами выдуманно». Сорезную адвокатуру Ринка очень тнилъ, и любилъ, что петербургской ои отдавалъ предпочтеніе предъ московскою. Но Балаалакиныхъ не выносилъ. И, тѣмъ Балаалакингъ былъ успѣшнѣи и помнитѣ, тѣмъ затѣ Ринка надъ нимъ измызался, тѣмъ охотнѣе заводилъ его въ тупикъ.

Одно изъ московскихъ свѣтилъ этой категоріи, имѣвшее въ нодальномъ промѣломъ лишеніе практики на годъ за весьма скверную провинность, вскорѣ затѣмъ выпустило въ свѣтъ переводъ какаго то французскаго труда объ адвокатской этикѣ. Переводъ былъ корявый, ученичскій, со словаремъ въ рукахъ дѣланный. Въ Москвѣ по этому поводу много смѣялись. Дорожничъ остритъ, что сотруликамъ свѣтила по переводу были его кліенты: едва грамотный Климинъ, самый страшный тогдашній московскій ростоиникъ, и Ш. Омогъ, французско-содержатель самаго безпутнаго московскаго кафешантана. А Ринка лукаво заминалъ:

— Пріятно видѣть въ человекѣ уже пожеломъ и присяжномъ поѣбраннымъ давнемъ такое страстно желание познакомиться и наконѣтъ съ своимъ профессионально этноко, что, вотъ, видите, онъ, въ старости лѣтъ, даже учится поспоможку французскому языку.

Александръ Амфитеатровъ.